

гастроли

В Москве продолжается показ спектаклей международного театрального фестиваля «Балтийский дом»

Кульминацией нынешнего «Балтийского дома» стали работы Эймунтаса Някрошюса «Радости весны» и «Благо осени» по эпической поэме Донелайтиса.

Кроме того, московские зрители познакомились с четырьмя питерскими театрами, мирно уживающимися под крышей театра-фестиваля «Балтийский дом». Один из них – Экспериментальная сцена под руководством Анатолия Праудина – показал версию «Бесприданницы» Островского.

Как всегда у Праудина, это очень странный спектакль. Ну кто еще из режиссеров возьмется за классическую «Бесприданницу», не имея ни актрисы на роль Ларисы, ни желания рассказать историю любви. Подумалось даже, что это принципиальный «антироманс» – вызов знаменитому рязанскому фильму, с которым у населения теперь только и ассоциируется пьеса Островского. Ан нет – во втором действии Лариса таки запела «Не искушай» под гитарный аккомпанемент, но так как голоса у исполнительницы, увы, нет, постановщик срочно призвал двух других актрис, с более выразительными голосами, и романс общими усилиями спели.

Выпускница Щепкинского училища Маргарита Лоскутникова, волею режиссера ставшая бесприданницей Ларисой, идеально подходит на роли героинь подполья или партийных работников ушедшей эпохи. Волосы собраны в пучок, губы поджаты, глаза прищурены. Выражение ее лица не меняется и обозначает одно – презрение. К купцам ли толстосумам, ее тор-

романс без любви

Маси Робсон 2003-8 дек. с 20

гующим, или к режиссеру, который назначил на роль Паратова (вспомните неотразимого Никиту Михалкова) усталого немолодого актера, похожего на проворовавшегося бандита, – бог весть. Но эта Лариса никого не любит и бросается в объятия Паратова с досады, всей душой ненавидя не только мужчин, но и женщин. Радость в ее глазах появляется лишь на мгновение, когда в финале, уже после выстрела Карандышева, Ларису сначала тщательно румянят – до этого на лице и губах ни тени краски! – а потом сажают на стол и вкладывают в рот веточку зелени. Мол, если уж «я вещь», то буду лежать перед вами поросенком среди яств.

Куда больше повезло в этой постановке Карандышеву и еще почему-то Гавриле; владельцу кофейной на бульваре. Последний (обаятельный Михаил Брискин) вообще едва ли не главный персонаж, так как весь спектакль руководит не прекращающимся ни на миг процессом: актеры то накрывают столы, то вместе со стульями составляют их в угол, то опять раскладывают. Вожеватов ест виноград, Кнуров пьет шампанское с блюдца и притворяется, что оно горячее, Робинзон поглощает черную икру, а Паратову подают суп в супнице. Все эти столь важные для режиссера манипуляции без Гаврилы никак не возможны.

Карандышев у хорошего актера Сергея Андрейчука – единственно умный человек в этой дикой компании. Он вдохновенно пародирует животных, очевидно, намекая на окружающих, и играет в пьяного дурня, желая позабавить Ларису. Однако она не способна ни на одну естественную человеческую реакцию, кроме отвращения, поэтому таланты Карандышева пропадают втуне.

Иногда на протяжении длинного – четыре часа! – спектакля возникает ощущение: как Лариса эпатирует окружающих своей вызывающей некрасивостью и прямолинейностью, так и режиссер провоцирует публику своим «что хочу, то и делаю». Как она стремится не быть вещью на ярмарке (хотя желать такую Ларису может только извращенец), так и постановщик демонстративно выводит себя за рамки имеющего хотя бы какую-нибудь рыночную стоимость театра. Но от него такого театра никто и не ждет: любому ясно, что экспериментальная сцена предполагает нечто другое и что каждый творческий опыт может быть как удачным, так и нет.

Есть такое понятие – фестиваль-спектакль. Он вряд ли вызовет восторг широкой публики, но найдет своих поклонников и скажет свое слово о том, куда идет любимое искусство и что его волнует. В этом спектакле текст вообще может быть отменен, а может произноситься так, как в питерской «Бесприданнице», – медленно и подробно. В нем мешаются стили и приемы, прячут известные персонажи за диковинными масками, играют смыслами – и выигрывают, если в зале хоть на миг возникает радость от театрального действия. Фестивальные спектакли Москвы, Петербурга и Европы, в сущности, похожи друг на друга, и везде разочарований больше, чем открытий. К счастью, энергия поиска не только не ослабевает, но даже усиливается (об этом говорят одиннадцать спектаклей «Балтийского дома»), что и заставляет избалованных столичных зрителей рваться на премьеры экспериментального театра, с которых в конце концов, можно уйти в антракте.

Нина АГИШЕВА